

Матьяна Петрова

ВЕТВИ СПЛЕЛИСЬ, ЛЕС ЛЮБВИ...

«История жизни, история души», рассказанная Ариадной Эфрон [1], и опубликованные в 2001 году «Записные книжки» Марины Цветаевой [2] позволяют внести некоторые дополнения в летопись дружбы двух поэтов Серебряного века – Константина Бальмонта и Марины Цветаевой. Корни их родов «сплелись» на Дроздовской земле в Шуйском уезде Владимирской губернии [3, с. 9; 4, с. 15].

Параллельное прочтение «Записных книжек» Марины Цветаевой, воспоминаний Ариадны Эфрон и автобиографической прозы Бальмонта [5] позволяет получить более полное и объективное представление о характере их отношений.

Жизненные пути Марины Цветаевой и Константина Бальмонта пересеклись в Москве только 13 июня 1916 года [6, с. 181–187], но с творчеством друг друга они, безусловно, были знакомы. Бальмонт о творчестве Цветаевой узнал от Волошина [6, с. 181], имя же Бальмонта в документах Цветаевой впервые появляется в ее «Записных книжках» при упоминании беседы ее с Сергеем Эфроном о поэзии [2, т. 1, с. 162].

Более полную информацию по этому вопросу мы получили, познакомившись с сохранившимися первыми тремя томами скорпионовского издания «Полного собрания стихотворений» Бальмонта (переплетенными в один том) из библиотеки Марины Цветаевой [7] с ее инициалами «МЦ», пометками о дате и обстоятельствах их приобретения и ассоциативными воспоминаниями об отдельных людях, событиях или прочитанных книгах.

Неизвестно, когда был приобретен первый том (автограф Цветаевой вырезан), но первая датированная пометка «*Нина В., зима 1908-09 г.*» сделана рукою Марины рядом со стихотворением «На мотив Экклезиаста». После стихотворения «Я знал», посвященного Бальмонтом Мирре Лохвицкой, на полях книги рядом со стихотворением «Одnodневка» («Я живу своей мечтой...») рукою Марины Цветаевой записано полностью стихотворение Лохвицкой «Лионель». Стихотворение «Пламя» вызвало у Цветаевой ассоциацию с «Н Mann "Pippo Spano"», а рядом с названием стихотворения «Амарилис» сделана пометка ее рукою: «дочь жреца Олимпиодора в «Юлиане Отступнике» Мережковского».

На листе второго тома «Горящие здания» рукою Цветаевой записана дата приобретения книги – «*М. Цветаева / Москва, 13 февраля 1910 г.*». Стихотворение «Отцвели» юная Марина «прочитала 19-го Апреля 1910 г<ода> у раскрытого окна». Стихотворение «Заколдованная дева» ассоциировалось у нее с «немного Foscarina из "Il Fuoco" d'Annunzio».

Интересную информацию несет в себе автограф, сделанный Цветаевой на третьем томе («Будем как Солнце») – «*Марина Цветаева / Москва, 5-го мая 1910 г / (день появления кометы Галлея / и «алгебраического экзамена»)*. «Весна у Фон-Дервиз, 1907 г.» вспомнилась Марине при прочтении стихотворений «С морского дна» и «Морская душа», а стихотворение «Соединенные» показалось ей «*странно для Бальмонта*». Всего рукою Цветаевой отмечено 44 стихотворения в первом томе, 14 – во втором и 27 – в третьем.

После знакомства Бальмонт и Марина быстро подружились. В долгих неспешных беседах они, вероятно, не только читали друг другу свои новые и старые стихи, делились

впечатлениями о текущих событиях, а Бальмонт рассказывал о своих путешествиях, в том числе в Японию, но и возвращался к своим истокам во Владимирскую губернию. И всегда рядом с ними была не по годам смышленная слушательница, все схватывающая на лету, всем интересующаяся: «Ты знаешь, как Япония стихи говорит?» [2, т. 1, с. 234]. Это была дочь Марины, о которой Бальмонт спустя несколько лет, описывая события 1919 года, написал: «Марина живет одна со своей 7-летней девочкой Алей, которая видит ангелов, пишет мне письма, самые красивые из девических писем... и пишет стихи, совершенно изумительные. Припоминаю сейчас одно, которое могло бы быть отмечено среди лучших японских троестрочий: «Корни сплелись, / Ветви сплелись, / Лес любви» [5, с. 376]. А вот и одно из «замечательных» писем маленькой Ариадны Эфрон, о которых упоминает поэт: «Милый К<онстанти>н Д<митриеви>ч! Я помню Ваш голос и Ваши волосы. У Вас голос смеющийся, а волосы прекрасные, желтые на солнце...» [2, т. 1, с. 235].

В результате близкого знакомства поэтов, быстро переросшего в большую дружбу, маленькая Аля прониклась искренней, теплой привязанностью к поэту, о чем свидетельствует ее замечание: «О Бальмонте: “Такого имени на небе нет “Бальмонт”, – там он просто назывался “нежный”...» [2, т. 1, с. 234].

В свою детскую молитву маленькая Аля в числе самых дорогих, близких ей людей включила и Бальмонта: «Спаси, Господи, и помилуй: папу, дорогого папу, чтобы он приехал живым и здоровым, сделай также, Господи, чтобы мама была жива и здорова – и Ирина – и Надя – и Ася – и Андрюша... Спаси, Господи, и помилуй... Пра, Бальмонта и всех его жен... И спаси, Господи, и помилуй всех, кто на море... Дай, Господи, чтобы те, кто уехали, не пропали...» [2, т. 1, с. 269].

В мае 1917 года Марина Цветаева, по-видимому, подарила Бальмонту автограф своего стихотворения: «Из строгого, стройного храма / Ты вышла на визг площадей, / – Свобода! Прекрасная Дама / Маркизов и русских князей. // Свершается страшная спевка, – / Обедня еще впереди! / Свобода! – Гуляющая девка / На пылкой солдатской груди! / Марина Цветаева / Москва, 26-го мая 1917 г., пятница» [8].

После встречи с Бальмонтом в августе 1917 года Цветаева записала: «Бальмонт в Кисловодске читает лекцию, к<отор>ую заканчивает стихами о России: / “Этим летом – униженные нашей воли, / Этим летом – расточенье наших сил, / Этим летом – я один в пустынном поле, / Этим летом – я Россию разлюбил!” И вдруг – отчаянный вопль из публики: – “Это правда! Правда!” – Офицер, слепой на оба глаза» [2, т. 1, с. 174].

24 августа, уже в Москве, Бальмонт встречался с Мариной Цветаевой, читал вместе с ней стихи, о чем она сообщила Волошину [6, с. 182], и, по-видимому, рассказывал не только о поэтическом вечере, но и о своих встречах в Кисловодске с Кирией Николаевной, здоровьем которой он в это время был озабочен [10]. Вскоре Марина и Сергей Эфрон собирались поехать в Крым, вероятно, по просьбе Бальмонта была «сделана рукой С. Я. Эфрона запись адреса: “Кира Николаевна Зимовнова Лаврова. Кисловодск, Крутой Спуск, № 9”» [2, т. 1, с. 237].

В январе 1919 года Цветаева красочно описывает их с Алей визит к Бальмонту, вероятно, в день получения им «пайка»: «В доме, очевидно, до сегодняшнего дня ничего не было, а теперь вдруг все стало... угощают, угощают, угощают. ...Мирра влюбленно заботится об Але, кормит ее со своей тарелки, все наперерыв уговаривают меня есть. А я (случайно совершенно сытая), счастливая тем, что так чистосердечно ничего не хочу, что все нас тут так любят, что всем нам сейчас *так* хорошо, а завтра будет *так* плохо – курю папиросу за папиросой, не зная, что это – дым ли я выдыхаю – или вдохновение» [2, т. 1, с. 295].

В очерке «Где мой дом?» Бальмонт вспоминает, что после одного из визитов его к Цветаевой Аля пошла с ним, желая «навестить Миррочку». Путь их лежит из Борисоглебского переулка через Собачью площадку в Большой Николопесковский переулок: «Снежинки вытюты и падают на ресницы. Але трудно смотреть. Ее маленькая ручка в моей руке. Она улыбается. ...Нас угостят сейчас теплой пшенной кашей и даже еще чем-то. Аля щебечет с Миррой, у них свой особенный язык и много-много маленьких важных тайн, больше, чем бывает цветов в саду и птичек в лесу» [5, с. 377].

Девочки дружат и часто бывают вместе. В «Записных книжках» Марины Цветаевой есть такая «(Алина запись)»: «...Вчера, когда я была у Мирры и Бальмонта, я увидела карту, где было написано “Феодосия”. Я задумчиво погладила крупно напечатанное родное слово и начала громко читать разные города и страны. При произнесении “Симферополь” Мирра

воскликнула: «Где, где Симферополь, покажи!» Симферополь она поцеловала и стала после этого все время бегать по комнате» [2, т. 1, с. 432].

Ариадне Эфрон хорошо запомнился день 1 мая 1919 года, когда после прогулки с Мариной по праздничному бульвару вечером они «зашли к Бальмонтам, и все вместе пошли во Дворец искусств, бывший дом Соллогуба, где должны были читать разные поэты...». Ариадна подробно описывает свои впечатления от дома и сада, посещение домово-й церкви Соллогубов и то, как они, наконец, «вошли в залу, в которой были розовые стены... В камине горел огонь...». Далее вспоминает она, как «молодой, почти мальчик поэт Есенин читал стихи о том, что месяц спрыгнул с неба и обратился в жеребенка, а он запряг его в колесницу. Потом стал читать Бальмонт, он читал про рабочего, мне кажется, что в этих стихах он хотел усмирить рабочего. Потом господин, похожий на Дон Кихота, позвал Марину читать стихи, она встала от окна, где сидела со мной и прочла стихи про то, что мы – две странницы – перешли всю свою дорогу жизни, любимые Богом, и что мы не Величества, Высочества, и еще стихи про Москву и про Георгия Победоносца. Марина читала твердым голосом. После последнего стиха люди рукоплескали...» [1, т. 3, с. 41]. Далее Ариадна вспоминала, что, когда они «вышли из Дворца искусств, был закат, и жена Бальмонта показала Марине на месяц – он был чуть-чуть розоватый. Мы очень быстро пошли, почти побегали, по двору мимо маленьких деревьев, точно подстриженных в круг. Всюду выбивалась тонкая новая травка... Мы пошли на Арбат вместе с Бальмонтами. Вот мы уж у Храма Христа Спасителя» [1, т. 3, с. 41].

Таким был один из запомнившихся вечеров 1919 года, совместно проведенных двумя семьями. Марина в этот день спросила Бальмонта: «Бальмонтик, Вы видели сегодняшний декрет?» – «Нет, ибо я не имею привычки читать надписи на заборах» [2, т. 1, с. 325].

В июле 1919 года Марина Цветаева «первый раз в жизни в Румянцевском музее, где папа 30 лет был директором (фактически – лет 14). Входя в ворота (с Ваганьковского пер.), останавливаюсь, не смея ступить от восторга: зеленый сад, совершенно пустой, золотая дорожка, по которой сейчас пойду, и в глубине белое здание, летящее в небо. Читальный зал торжественен: роскошь и строгость...» [2, т. 1, с. 359].

Именно в Румянцевском зале в 1918 году Бальмонт делал сообщение «Что мне дала Италия?» на заседании общества «Студио Италияно», ныне здесь расположен отдел рукописей РГБ, в котором хранятся архивы Бальмонта и И. В. Цветаева. В 1920 году Бальмонт бывал в музее Александра III, созданном И. В. Цветаевым, так как «...опять вернулся к Египту». Книги о египетском искусстве ему давала хранительница Египетского зала, землячка-шуйянка Т. Н. Бороздина [10, с. 513].

Переключка «Записных книжек» Цветаевой [2, т. 2, с. 55] с «Автобиографической прозой» Бальмонта обращает наше внимание не только к очерку «Где мой дом?», но также и к другому произведению Бальмонта – «Без русла», в котором он упоминает: «В 1920 году, в Москве, меня по причине некоего ложного доноса, будто я в стихах, где-то напечатанных, восхвалял Деникина, пригласили вежливоенько в Чека...». К великому сожалению, намерение Цветаевой «записать Б<альмон>та в Чрезвычайке» [2, т. 2, с. 56] осталось невыполненным.

Подробное, взаимодополняющее описание юбилея Бальмонта сделали Марина Цветаева [2, т. 2, с. 147–150] и Ариадна Эфрон [1, т. 1, с. 53–56].

Неумолимо приближалось время отъезда Бальмонта с семьей из России. В «Записных книжках» появляется запись: «9-го стар. Июня 1920 г., вторник. Сегодня должны были уехать Б<альмон>-ты, не уехали, эстонское правительство не пустило. Все эти вечера – проводы, третьего дня у Сандро, вчера у Скрябиных, дрожание над каждой минутой, разрывание души». «Б<альмон>т совсем неживой, Елена – как всегда – героиня. – Зачарованная птицей змейка! – / С отъездом Б<альмон>-тов для меня кончается Москва. – Пустыня. – Кладбище. – Я давно уже чувствую себя тенью, посещающей места, где жила. Для других я живейшая из живых, они не знают, какая я бываю – была! ...Недавно я, сидя на зеленом жестяном сундуке, редела: громко и немножко declamatoire, – отводила душу» [2, т. 2, с. 205].

Ариадне запомнились только два последних вечера: «Мы провожали их дважды: один раз у Скрябиных, где всех нас угощали картошкой с перцем и настоящим чаем в безукоризненном фарфоре; все говорили трогательные слова, прощались и целовались; но на следующий день возникли какие-то неполадки с эстонской визой, и отъезд был ненадолго отложен. Окончательные проводы происходили в невыразимом ералаше: табачном дыму

и самоварном угаре оставляемого Бальмонтами жилья, в сутолоке снимающегося с места цыганского табора. «Марина была самой веселой во всем обществе сидящих за этим столом. Рассказывала истории, сама смеялась и других смешила, и вообще была так весела, как будто бы хотела иссушить этим разлуку», – записала я тогда в свою тетрадочку» [1, т. 1, с. 58–59].

В предотъездные дни Марина Цветаева формулирует свое отношение ко всем членам дружественной семьи: «Я, руку на сердце положу, так же люблю Елену, как Бальмонта. Эта маленькая змеиная головочка, с прекрасными влажными глазами, отсутствие тела – одна линия! – улыбка – смесь иронии с sensibilitе (восприимчивостью) – природное великодушие всего существа... общее со мною отношение к детям... тончайший такт, умение любить делом, суховатое, деловитое, вне слов – при такой любви к слову! – и – главным образом! – ее любовь к Бальмонту, благородство этой любви! – Ее ответ Мирре: «Сначала Б<альмонта> – потом стихи – потом уже тебя, – когда ты пишешь стихи!» <...> И эта строгость к Мирре, так напоминающая мамину ко мне, мою к Але, и этот культ умершей матери, традиции генеральской дочки + культ Бессонной ночи – умение не есть, не пить, не жить – *быть!* / Никогда мне не сказала ни слова, что любит, – а сколько любви: полусоюзнической, полуматеринской! / Она меня любит больше и делает это лучше, более по-моему, чем Бальмонт! / А Мирра – вся его порода! Быстрая, открытая, вся в первом движении, сияющая, добрая, щедрая, так легко бессердечная! / Насколько Елена сложна, настолько Б<альмон>т и Мирра не сложны, настезь – раскрыты!» [2, т. 1, с. 198].

А вот как описывает Цветковскую дочь Марины Цветаевой: «Почти всегда и почти всюду сопровождала Бальмонта его жена Елена, маленькое, худенькое, экзальтированное существо с огромными, редкостного фиалкового цвета глазами, всегда устремленными на мужа. Она, как негасимая лампадка у чудотворной иконы, все время теплилась и мерцала около него» и позднее, уже в эмиграции: «<...> почти бестелесная, прямая, как посох, которым она и служила этому страннику» [1, т. 1, с. 58–59].

Цветаева подробно описала состоявшийся отъезд Бальмонта и душевное состояние как отъезжающих, так и провожавших их: «Мятущаяся Елена. Почти мертвый Бальмонт. Лихорадочная, сияющая Мирра. Грустный Сандро. Вера Зайцева плачет и смеется (люблю ее!), Б. Зайцев молчит (равнодушна [так! – Т. П.]). Брат Елены выносит сундуки и мешки. Аля льнет к Б<альмон>ту...» [2, т. 2, с. 210].

Наверное, именно в эти минуты поэт подарил своей любимице сохранившуюся в доме книгу «Фейные сказки». Инскрипт был сделан рукою Бальмонта на поврежденном титульном листе, ниже названия: «Моей любимице Але. / К. Бальмонт / (обрыв) 1920. Л (обрыв) / Моск (обрыв)». Ранее в правом углу титульного листа была сделана надпись рукою Елены Цветковской: «(обрыв) Сергунку сестрица (обрыв)... Их еле заметишь / Так малы они / Но где же ты встретишь / Такие огни?...» [11].

Спустя годы, размышляя о дружбе своей матери с Бальмонтом, взрослая Ариадна констатировала: «...Оба они были поэтами «божьем милостью», но Марина всегда стояла у кормила своего творчества и владела стихией стиха, в то время как Бальмонт был ей подвластен всецело». Далее она дает свое объяснение их «длительной, без срывов и спадов» дружбе: «Ни о ком – разве что о первых киноактерах! – не слагалось до революции столько легенд, сколько рождалось их о Бальмонте, баловне поэтической моды. И юной Цветаевой он казался существом мифическим, баснословным. Октябрь же свел ее с живым и беспомощным (пусть необычайно деятельным, но – не впрок!) человеком, чья звезда со скоростью воистину космической устремлялась от зенита к закату. Одного этого было достаточно, чтобы Марина тотчас же подставила плечо меркнувшей славе, обреченному дарованию, надвигающейся старости... неожиданными оказались... Бальмонтова простота, полнейшее отсутствие рисовки и – отсутствие водянистости и цветистости в разговоре: сжатость, точность, острота речи. Говорил он отрывисто, как бы откусывая слова от фразы. Наряду с почти уже старческой незащищенностью перед жизнью было у него беспечное, юношеское прятие ее такой, как она есть; легко обижаясь, обиды стряхивал с себя, как большой пес дождевые капли. Бальмонт принадлежал к тем, редчайшим, людям, с которыми взрослая Марина была на «ты» ... Перейдя на «ты» с Бальмонтом, Марина стала на «ты» и с его трудностями и неурядицами; помогать другому ей было всегда легче, чем себе; для других она – горы воровчала» [1, т. 3, с. 57].

Сама Марина Цветаева считала, что «Б<альмон>т не потому великий поэт, что он

так пишет, а пишет он так, потому что он Великий Поэт!» [2, т. 2, с. 215] (выделено мною. – Т. П.).

Свое отношение к нему Марина Цветаева определила в письме к Вячеславу Иванову (18/31 мая 1920 года): «Б<альмон>т – мне друг, я люблю его и люблюсь им, я окончательно верю в него, у этого человека не может быть низкой мысли, ручаюсь за него в любую минуту, все, что он скажет и делает, будет рыцарским и прекрасно. С ним у меня веселье и веселие, grande camaraderie (великое товарищество), с ним я, он со мной – мальчишка, мы с ним очень много – главным образом! – смеемся. С ним бы мне хотелось прожить 93 г. в Париже, мы бы с ним восхитительно взошли на эшафот. / С ним мы – сверстники только я, как женщина – старше. / Не усмотрите в этом непочтения – этим не грешу – но почитать Б<альмонта> – обижать Б<альмонта>, я, преклоняясь перед его даром, обожаю его. – Чудесное дитя из Сказки Гофмана...» [2, т. 2, с. 179].

Бальмонты уехали. Путь их лежал «через Петербург, в Нарву и в Ревель», а затем через Чехию, во Францию. В Чехии Бальмонт встретил Сергея Эфрона, сообщил ему о Марине и Ариадне и передал в редакцию журнала «Современные записки» стихи Марины Цветаевой, которые он привез из России.

Спустя год Бальмонт написал: «Я встретил много на пути за эти двенадцать месяцев. Я встретил столько, что должен пересмотреть целиком свой основной взгляд на человеческую природу, взгляд целой жизни. И вижу, что или вся эта жизнь была сновидением простодушного человека, упорно видящего только свой светлый сон, или же за эти чудовищные несколько кровавых лет человеческая природа по существу опрокинулась, извратилась и душа человека умерла. <...> Сейчас оно (сердце) бьется любовью к покинутой. Я сдвигаю мыслью покров чудовищности... и вижу ее так, как я ее хочу видеть, как видел ее целую жизнь, как ее люблю. <...> Завтра минет год, как душа моя разлучилась с телом... я буду молиться, чтобы... я... увидел во сне, что это – воскресенье, и я в России» [5, с. 327].

А в Москве вспоминали о Бальмонтах. Маленькая Ариадна, спустя несколько месяцев после отъезда поэта с семьей, написала Бальмонту письмо, черновик которого сохранил ся: «Милый Бальмонттик! / Скоро весна. Мы живем теперь в столовой с потолочным окном. Как живут Елена и Мирра? У Вас уже весна? Я кашляю и пишу Вам в кровати. Марина пишет Егория Храброго, а я читаю русские книги. Я получила Миррину кукулу и храню ее медведя. Передайте ей это. Марина подарила мне тетрадку, в ней я пишу Вам письмо. Бальмонттик, пишете? Помню Ваш домик, дым и теснота. Ходим к Скрябиным, которых поручила маме Елена. Помню Ваш юбилей во Дворце искусства. Теперь всех выгнали, будет другое учреждение. Первые дни вашего отъезда даже плакала. Но потом свылклась. Пришлось. Я Вас очень ясно помню. Рыжий и большой. Рисую города и сады. Нарисую и Вам картинку. Пишите нам и посылайте стихи. Попросите Мирру тоже. А то она Марине Скрябиной написала, а нам нет. Спасибо за ее поклоны и поцелуи нам. Мне 8 лет. Больше...» [12] (далее текст отсутствует).

Спустя год, весной 1922 года, Марина Цветаева с дочерью покинула Москву [1, т. 3, с. 73]. До 1925 года ее семья жила в Чехии, а затем переехала в пригород Парижа.

В 1925 году в Праге в ответе на анкету «Своими путями» Марина Цветаева написала: «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет ее лишь вместе с жизнью...» [13, л. 104].

Цветаеву и Бальмонта разделяли границы, и она обращается с просьбой к своей хорошей знакомой, «полудочке – полусестре» (так назвала ее Цветаева в дарственной надписи на книге стихов «Ремесло», Москва – Берлин, 1923 [13, л. 125]), Ариадне Черновой: «Вшеноры, 1 апр<еля> 1925 г. / Ада, непременно познакомьтесь с Б<альмон>тами. Мирра была очень мила в 13 лет, сейчас она немного старше Вас... Очень прошу Вас, познакомьтесь! Если Б<альмон>т захочет целоваться (! с ним бывает!), скажите, что у Вас есть жених в Марокко, на кофейных плантациях. Он это ценит и отстанет. Напишите про Елену. Какое впечатление. В первый раз пойдите с Лисевой, сидите и наблюдайте. Чудная семья, непременно подружитесь. – Не откладывайте! МЦ.» [13, л. 167].

Знакомство это состоялось, о чем свидетельствует рукописное письмо Бальмонта: «Париж. 1925.IV.13 / Я очень извиняюсь, что пишу лишь сейчас, среди разгрома укладываемых вещей. Все надеялся, что удастся побывать у Вас. Но это удастся лишь моей дочери Мирре, когда в начале мая она вернется в Париж. / Мой адрес в Бретани: С. Balmont, chez

М. Bachelot – Villeneuve. Piriac sur Mer, L. Inf / Я был у Бинштока неделю тому назад. Он сказал, что это – дело безнадежное и что Р<озенталь> помогает лишь тем, кто в Париже. Быть может, Вы все-таки попытаетесь сами заинтересовать Б<инштока>. Ведь лишняя попытка всегда есть попытка. / Я написал о Марине в Нью-Йорк, в тамошний Фонд Помощи Писателям Москвы. Написал красноречиво. Надеюсь – даже почти уверен – что ей что-то будет послано. / Здесь я еще два дня, но – в вихре. / Очень жалею, что большего не могу сказать. / К. Бальмонт.» [13, л. 124].

Обращение Бальмонта к Бинштоку и, вероятно, состоявшаяся встреча Черновой с Розенталем подарили надежду Цветаевой и Эфрону, который той же весной написал Черновой: «Великий Вторник, Всеночу.1925 г. / Воистину Воскресе! Дорогая Адинька!.. Наш мальчик Вам бы очень понравился... Ни одной моей черты и все от Марины: глаза, нос, губы, руки – маленький Марин Цветаев... (3 мес.). Теперь мы с Вами породнились. Ваша мама – моя кума, а Вы... дочь кумы.../... Как здоровье Розенталя? Серг<ей> Як<овлеви>ч (тот) с некоторых пор поминает его в своих молитвах («Да размягчитс сердце его! Да раскроется сокровищница его!»). Сердечный привет Вам, маме и сестрам. Ваш С. Эфрон» [13, л. 155].

НА ПАМЯТЬ МУЗЕЮ О НАШЕЙ ВСТРЕЧЕ 9. I. 85

Анастасия Цветаева

Н. Бруни-Бальмонт

Р. Райт

/АНАСТАСИЯ ЦВЕТАЕВА/

/НИНА БАЛЬМОНТ/

/РИТА РАЙТ/

Эти подписи под фотографией были сделаны по просьбе Ниты Табидзе для музея Тициана Табидзе в Тбилиси.

Фото из фондов Дома-музея Марины Цветаевой

Прошли годы, поиск и собирание всех материалов, касающихся жизни и творчества Марины Цветаевой и Константина Бальмонта стали первостепенной задачей, целью жизни их близких – Анастасии Цветаевой («Воспоминания»), Ариадны Эфрон [1], Нины Константиновны Бруни Бальмонт [14, с. 105–116; 15] и Веры Дмитриевны Бальмонт [16; 17].

Дочь Бальмонта вела обширную переписку с корреспондентами из разных стран и внутри страны. Со временем стали ее корреспондентами и упоминавшиеся ранее Со-синские, которые в 1965 году сообщили ей о желании Шошаны Авивит передать письма и

стихотворения Бальмонта, ей посвященные, в один из российских архивов: «20.03.1965, Москва. Дорогая Нина Константиновна! Недавно мы получили письмо из Женевы, наш друг, историк Маргулис пишет: «Моя давнишняя знакомая, выступавшая во время оно в студии МХАТ, а теперь уже с полвека проживающая замужем за французом во Франции, известная в свое время под сценическим именем Шошаны Авивит, просит узнать следующее: у нее имеются сейчас 30 или больше стихотворений и писем неизданных К. Д. Бальмонта, посвященных ей или к ней обращенных. Часть их в фотокопиях, ибо подлинники она продала Лифарю. Ее интересует продать право издания их Союзу, но она не знает, куда обратиться. <...> Известно ли Вам что-либо об этих стихах и письмах? (см. публикацию К. М. Азадовского «Глаза Юдифи» [18, с. 82–99]). С дружеским приветом, Ариадна Сосинская» [19]. В 1968 году Нина Константиновна впервые поехала во Францию с целью разыскать сохранившиеся материалы отца в библиотеках и у частных лиц, а затем, получив разрешение на ввоз собранных во Франции документов, она привезла и передала их в ОР РГБ [ф. 374]. Племянница поэта, мастер художественного слова Вера Дмитриевна Бальмонт многие годы по крупицам собирала публикации произведений Бальмонта и статьи о нем. Только после 100-летнего юбилея поэта она получила возможность официально включить литературную композицию «Будем как Солнце» в программу своих выступлений [16, ед. хр. 141, 142]. Несколько раньше прозвучала с эстрады в исполнении Веры Бальмонт поэзия Марины Цветаевой [16, ед. хр. 146]. Дочь и племянница поэта совместно проводили Бальмонтовские литературные вечера в Грузии. В конце жизни Вера Дмитриевна выпустила книгу Бальмонта «Избранное» [17] – итог многих лет ее кропотливого труда.

Десятью годами раньше выход в свет книги Бальмонта «Стихотворения» в серии «Большая библиотека поэта» стал событием в литературном мире, о чем свидетельствует восторженное письмо Ариадны Эфрон к составителю книги: «В. Н. Орлову. / 2 января 1970 / Бывают же в жизни добрые чудеса, дорогой Владимир Николаевич! Трудно передать, что я почувствовала, когда 31 декабря (надо же!) – милая круглолицая наша почта-льонша вручила мне, по-новогоднему сияя, Ваш пакет, что я почувствовала, извлекая из хрустящей бумаги тяжелый, чудный том Бальмонта! Какой же праздник для меня – для всех нас, кому дорога поэзия во всем ее многообразии, во всей ее суровости и богатстве, законичности и многословии, во всей ее наготе и во всех ее одеждах! <...> Ох, как трудно было, да еще по нынешним временам, воскресить этого поэта, такого залюбленного, и такого загубленного, и такого глубоко забытого, и так глубоко зарытого! ...Господи, Боже ты мой, как несусветно трудно было *издать* именно этот том! ...Конечно, было чудо и с цветаевским томом, но там – все иное от корки до корки, и трудности иные, и бороться бесспорно было за что и за кого; ее любили и не любили, понимали и не понимали, но замолчать ее нельзя было, как нельзя было заставить ее замолчать; а ведь к Бальмонту были равнодушны; о нем уж коли вспоминали, то как об ошибке собственной юности, не больше и не глубже... Вот из этого-то равнодушия, из-под этой-то толщи прошлогоднего снега извлечь поэта “божьей милостью”, этого милого (замороженного суровостью эпохи) соловья, отогреть его и вернуть в родную стихию – это действительно чудотворство!» [1, т. 2, с. 361–362].

В письме Орлову от 16 марта 1970 года Ариадна Эфрон снова упоминает выпущенный им том «Стихотворения» Бальмонта: «...на кислом фоне междусезонья, междупогодья... бывают и общие радости, как, например, выпущенный Вами на волю наивный и первозданный, как изображение бога-солнца на хейердаловских парусах, Бальмонт...» [1, т. 2, с. 363].

Собирая материалы о своей матери, Ариадна Эфрон также считала, что «...собрание всех материалов, касающихся творчества и жизни поэтов, порой “в основном «бытовых», житейских, <...> ценно особенно, т. к. творчество ее тех лет мы знаем, а обстоятельства – забыты или вовсе неизвестны». Ариадна радовалась тому, что «получила на короткое подержание давний трехтомник Брюсова из давней маминей библиотеки (переплет с инициалами МЦ, главное же – с пометами, «птичками», подчеркнутыми строками)...» [1, т. 2, с. 363, 364]. Теперь нам известна живая реакция юной Марины и на поэзию Бальмонта [7].

Как в давние времена Марина Цветаева принимала у себя Константина Бальмонта, так с момента основания культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой», в котором размещался Архив русского зарубежья с научной библиотекой, в числе других он принял книги Константина Бальмонта, подаренные представителями разных поколений русской эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эфрон А. С. История жизни, история любви. М., 2008.
2. Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. М., 2000.
3. Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Поэт с утренней душой. Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М., 2003.
4. Ставровский Е. С. Род Бальмонтов в лицах и судьбах. Шуя, 2007.
5. Бальмонт К. Д. Автобиографическая проза. М., 2001.
6. Азадовский К. М. Цветаева и Бальмонт (к истории знакомства) // Звезда. 1992. № 10.
7. МК РГБ. Бальмонт К. Д. Собрание стихотворений. 3-е изд. Т. 1–3, М., 1908.
8. ОР РГБ, ф. 374 (Бальмонт), карт. 5, ед. хр. 29: Автограф стихотворения Марины Цветаевой «Из строгого, стройного храма ...». В семитомнике Цветаевой [9] это стихотворение напечатано в измененном виде: «Из строгого, стройного храма / Ты вышла на визг площадей...! – Свобода! Прекрасная Дама / Маркизов и русских князей. // Свершается страшная спевка, – / Обедня еще впереди! – Свобода! – Гуляющая девка / На шалой солдатской груди! / 26 мая 1917 г.».
9. Цветаева Марина. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Стихотворения. М., 1994.
10. Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. М., 1996. С. 408.
11. РГАЛИ. Бальмонт К. Д. Фейные сказки. М., 1905.
12. РГАЛИ. Ф. 1190 (Цветаева М. И.), оп. 3, ед. хр. 252: Письмо А. С. Эфрон Бальмонту К. Д. (1921 г).
13. РГАЛИ. Ф. 2505 (Сосинский В.), ед. хр. 31 (2), л. 104: Ответ Марины Цветаевой на анкету «Своими путями»; л. 167: Письмо Марины Цветаевой к Ариадне Черновой Сосинской; л. 124: Письмо К. Бальмонта к Ариадне Сосинской, дочери Ольги Елисейевны Колбасиной Черновой.
14. Бруни Н. К. О моих поисках бальмонтовских архивных материалов (публикация В. Л. Бруни) // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Иваново, 1993. Вып. 1.
15. ОР РГБ. Ф. 374 (Бальмонт К. Д.), карт. 13 – карт. 17 – сформированы из материалов, собранных Ниной Константиновной во Франции.
16. РГАЛИ. Ф. 57, оп. 3: Материалы о Бальмонте, материалы Н. К. Бруни (в т. ч. ее письма к В. Д. Бальмонт в 1966–1980 гг.), материалы В. Д. Бальмонт; ед. хр. 141, 142: Литературная композиция «Будем как Солнце» – вечера поэзии К. Бальмонта; ед. хр. 146: Литературная композиция «Марина Цветаева», исполнявшаяся В. Д. Бальмонт с эстрады.
17. Бальмонт К. Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи / Сост. В. Д. Бальмонт. М., 1980.
18. Азадовский К. М. Глаза Юдифи // НЛО. 2005. № 73. <http://www.magazines.russ.ru>НЛО>2005>73>aza5/html>.
19. ОР РГБ. Ф. 374 (Бальмонт К. Д.), карт. 12, ед. хр. 40: Письмо Ариадны и Владимира Сосинских (1965 г.) к Нине Константиновне Бруни Бальмонт.

Петрова (ур. Бальмонт) Татьяна Владимировна родилась 14 ноября 1944 года в городе Алма-Ате в семье Владимира Александровича Бальмонта и Веры Валериановны Цедерберг, отдавших всю свою жизнь развитию овцеводства в Казахстане. Окончила в Алма-Ате среднюю школу № 35, до 9 класса училась в 10-й, а затем один год в 39-й школе (класс полностью был переведен в 39-ю школу). Высшее образование получила во Всесоюзном заочном политехническом институте, филиал которого был в Алма-Ате. Работала в Институте экспериментальной биологии, а затем 25 лет – в Институте органического катализа АН КазССР, где и защитила кандидатскую диссертацию. В 1997 году переехала в Москву. В свободное время работает в библиотеках и архивах Москвы, Владимира, Ярославля.

